

Р. Г. ЛАПШИНА

Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века

Одной из отличительных черт в развитии общественной мысли в середине XVI века было оживление религиозного вольнодумства, отражавшего позиции различных классов и классовых группировок. Среди всевозможных ересей 50-х годов выделяется ересь Феодосия Косого как выражение отношения крестьянства к происходившим в России событиям — к становлению феодального абсолютистского, самодержавного государства, ко всем его мероприятиям.

В русской дореволюционной историографии Феодосием Косым и его учением интересовались, главным образом, клерикальные историки. Этим во многом объясняется и круг вопросов, разрабатывавшихся ими, и оценка учения Косого. Прежде всего они рассматривали учение Косого только как ересь, т. е. как отступление от православного вероисповедания, причем отступление крайне „резкое и уродливое“.

Дореволюционные историки не учитывали, что учение Косого возникло из протеста против всего общественного строя, а не только против некоторых церковных „нестроений“, что оно было оппозицией государству, а не только церкви. Одни из них объясняли возникновение „ереси“ влиянием западных реформационных течений и связывали ее с протестантством и антитринитаризмом; другие связывали учение Косого с тем „умственным брожением“, которое породило и „ересь жидовствующих“, причем учение Косого трактовалось ими как продолжение, только более резкое, „ереси жидовствующих“.

Объясняя происхождение ереси Косого чисто внешними причинами, буржуазная историография не вскрыла сущности его учения, не дала ему правильной оценки. В лучшем случае историки ограничивались признанием за ересью Косого социального смысла, совершенно не пытаясь анализировать происхождение и характер социальной струи его учения.

В крайне отрицательном и близоруком взгляде буржуазных и дворянских историков на учение и личность Феодосия Косого сказалась их классовая ограниченность. Они не могли и не хотели дать единственно правильную оценку ереси Косого как проявления борьбы угнетенных и эксплуатируемых масс, как идеологической формы классовой борьбы крестьянства против феодального строя и санкционировавшей его церкви.

В советской историографии Феодосию Косому не посвящено ни одной специальной работы. Учение Косого характеризовалось лишь попутно.

И. У. Будовниц в своей книге „Русская публицистика XVI века“, в главе „Еретики середины века“, дает очерк ереси Косого. Не давая

прямо и определенно оценки учения, а только кратко излагая его, Будовниц не характеризует учение как отражение интересов и идеологии крестьянства; поэтому он может говорить о „негибкости“ Косого, аттестовать его как „идейно настроенного, оторванного от жизни мечтателя“.¹

И. И. Смирнов в своей работе „Восстание Болотникова“, рассматривая положение крестьянства в XVI веке, характеризует Косого как „яркого представителя антикрепостнических тенденций“,² называет его „выразителем идеологии угнетенных социальных низов“.³ Такой взгляд направляет анализ учения Феодосия Косого на верный путь.

Трудность работы над выяснением системы взглядов Феодосия Косого объясняется главным образом характером источников, из которых приходится эти взгляды извлекать.

До нас не дошло ни одного произведения самого Феодосия Косого, нет и более или менее последовательного и внушающего доверия относительно точности и полноты изложения его учения. Все, чем мы располагаем, — сочинения противника Косого монаха Зиновия Отенского: „Истины показание к вопросившим о новом учении“⁴ и „Многословное послание“.⁵ Оба произведения написаны в 60-х годах XVI века, причем „Истины показание“ точно датируется 1566 годом.

„Истины показание“ сохранило имя автора — Зиновия Отенского. Авторство же „Многословного послания“ было установлено лишь после тщательного изучения памятника и сравнения его с „Истины показанием“. В „Многословном послании“ порядок течения мыслей в разборе „ереси“ Косого, доказательства, приводимые в защиту официальной церкви и крепостнических устоев, часто не только одинаковы с приводимыми в „Истины показание“, но и совпадают целыми фразами и абзацами. Все это дает основание „Многословное послание“ считать принадлежащим также перу Зиновия Отенского.

Оба произведения носят характер защиты основ официальной церкви и главных положений христианской догматики, служат цели утверждения, оправдания существующего государственного строя и крепостничества. „Истины показание“ написано в форме бесед Зиновия Отенского с тремя „крылошанами“, которые расспрашивают его об „истинности“ „нового учения“, попутно излагая его. „Многословное послание“ представляет собой ответ нескольким „богобоязненным“ литовцам, обратившимся к Зиновию с тем же вопросом, что и „крылошане“.

Хотя Зиновий Отенский, приступая к своим трудам, и заверяет: „взыщем вкупе братскую общею любовью о учении сем явльшемся ныне, не враждою, ниже любопрепирательством, ни упрямданием, ни мудростию, ниже коварством коим, но в простоте от чиста сердца“,⁶ но, разумеется, нигде не следует этому своему благому намерению. Его отношение к личности и учению Феодосия Косого полно классовой ненависти и крайне тенденциозно. Это заставляет сомневаться в объективности изложения им взглядов Косого, но

¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 270.

² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, стр. 35.

³ Там же, стр. 36.

⁴ „Истины показание к вопросившим о новом учении“ издано в прибавлении к журналу „Православный собеседник“ (Казань, 1863).

⁵ „Многословное послание“ издано в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских“ (кн. II, 1880).

⁶ Цит. по кн.: Ф. Калугин. Зиновий инок Отенский. СПб., 1894, стр. 121.

зато помогает вернее определить классовую сущность и социальную остроту учения Косого.

Итак, источники не беспристрастны, но сама их тенденциозность помогает дать правильную оценку ереси Косого.

Взгляды Ф. Косого Зиновий Отенский излагает не со слов „еретика“ и не по его произведениям, а с пересказов крылошан — людей, „сверженных“ в ересь, т. е. из вторых рук.¹ Это в свою очередь вызывает сомнение относительно полноты изложения учения. Крылошане могли и не знать всего, а, быть может, не нашли нужным рассказать обо всем монаху, особенно о том, что в проповеди Косого носило не отвлеченно-богословский, а живой, конкретный характер, связывало основные положения с жизнью, подкрепляло их жизненными примерами, т. е. проявляло гораздо более открыто и четко социальную оппозицию, чем это отразилось в изложении Зиновия.

Видя цель учения Феодосия в том, чтобы „нищете своей изобрести поможение“, Зиновий подчеркивает, что это „удоб прият будет работающими чреву и подчревным“, к которым Зиновий относит „рабов“ — „все бо рабы удобь притичют к срабному и срадуются“.² Зиновий тем самым подчеркивает, что учение Косого отражало жизненные интересы „рабов“, к которым он относится с презрением и высокомерием представителя господствующего класса, и потому находило среди них большой отклик.

В условиях феодального общества протест против общественного строя неминуемо должен был быть протестом против церкви и, значит, ересью. Вот как объясняет эту необходимость Энгельс: „... церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя.

„Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“.³

Чтобы „совлечь покров святости“ с существующих общественных отношений, нужно было доказать их „небожественное“ происхождение, противоречие заповедям и нормам религии, несоответствие порядкам „истинной церкви“.

Чтобы доказать, что церковь не „истинна“, не „праведна“, не имеет никакого права выступать перед людьми со словом божьим, все ереси стремились показать, что ее строй, уставы, сущность не соответствуют „истинной“ церкви, какой она должна быть, в их представлении, по заповедям бога. В условиях того времени доказать это было возможно, лишь ссылаясь на авторитет священного писания, обосновывая свой протест текстами священных книг.

Следовательно, противопоставляя свой взгляд принятому официальной церковью, нужно было доказать „божественный авторитет“ первого и произвольность, „человеческое измышление“ второго. Этой особен-

¹ Вполне возможно, что „пришествие крылошан“ и сами „крылошане“ — лишь литературный прием, которым пользуется Зиновий Отенский для изложения взглядов Косого. Но так или иначе остается очевидным, что изложение ведется не по произведениям и не со слов самого Феодосия Косого, так как в подобном случае полемика со стороны еретиков была бы гораздо более активной, гибкой, настойчивой.

² Истинны показание... стр. 48.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

ностью мировоззрения Средневековья объясняется прикрытие „христианскими словесными формами“ часто крайних и в политическом и в богословском смысле учений, в сущности отвергавших христианство.

Задачей „совлечения святости“ объясняется и выбор богословских текстов, характерный для всех или большинства средневековых ересей. Это — книги раннего христианства, скромного христианства первых веков, рисовавшие „...картину общества, ничего не знавшего о многосложной, искусственной феодальной иерархии“.¹ На Библию основывался Мюнцер. Библию — „Моисеевы книги“ — нарицает Косой „столпами“.²

Находя подтверждение своим нападкам и основу для своих положительных идеалов в книгах раннего христианства, ссылаясь на писания, черпая в них аргументы для доказательства тех или иных своих положений, ереси Средневековья отличаются в то же время большим рационализмом в постановке вопросов и в способе доказательств. Это освобождение разума от схоластики и догматики богословия, от обязательной, безусловной веры в „божественные“ авторитеты, также было протестом против официальной церкви, против феодального образа мышления.

Отрицающую, критикующую, нападающую сторону, всегда самую сильную, представляли ереси, которые были оппозиционны феодализму, критиковали и отвергали его порядки и законы. Но, по условиям времени, этот протест облекался в форму богословских ересей. Жизнь давала материал для протеста, Библия помогала облечь этот протест в законные и приемлемые тогда богословские формы. Однако неразвитость общественных отношений, невозможность осознания исторического процесса и роли в нем трудового народа приводили к мечтаньям, которые не могли осуществиться, к туманной незрелости положительных программ.

Таким образом средневековая ересь — это прежде всего протест против феодализма и благословляющей его церкви.

Как же относился Ф. Косой к официальной церкви своего времени — церкви, в лице своих могущественнейших представителей обосновавшей абсолютистскую самодержавную власть как данную богом, призывавшей „властителем повиноватися, яко не властелем, но богами“?³ Косой отрицает ее внешние атрибуты (храмы, иконы, молитвы и пр.), осуждает ее иерархию и отвергает все основные догматы ее учения.

Рассмотрим критическую часть учения Косого.

„Не праве быти вере в вас, и бога прогневаете мнимым благочестием вашим, в церкви каменя приходите, а того в евангелии и апостоле не писано. Писано — апостоле на горницу въсходили, а не в церковь; не беаху бо церкви при апостолах. Едина церкви в Иерусалиме древняя, еаже о разрушении Христос рече: не остане камень на камне, и пр. Не подобает церквам ныне бывати, по разрушении древняя церкви. Ныне не церкви сия създана, но кумирницы суть и златокузницы“.⁴

Начиная критику с одного частного вопроса, с одного камня всего здания, Косой не забывает при этом о целом, о главной цели своей критики — о всей официальной церкви, о всей „неправой вере“. Такая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 135.

² Истины показание... стр. 208.

³ И. У. Будовиц, Русская публицистика XVI века, стр. 125.

⁴ Многословное послание, стр. XII.

целеустремленность вообще является самой характерной особенностью его способа критики.

Косой отрицает храмы потому, что они не „заповеданы“, составляют часть „неправой веры“; вера „неправа“, в частности потому, что использует храмы, которые, как стремится доказать Косой, не уставлены богом. Весьма интересно такое выражение Косого: „не права у вас вера“, которым он как бы противопоставляет себя официальной церкви и ее представителям.

Не нужны храмы, не нужны и все их принадлежности. Бог „подобия никакогоже не повеле сотворити“, и „посему Косой и хулит иконы, яко чрез божию заповедь пишут иконы и преступают заповедь“.¹ Иконы „не заповеданы“, они совершенно бесполезны, они идолы, они обращают храмы в „кумирницы и златокузницы“.

„Глаголет Косой, яко Давид писа: идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих, очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноздри имут и не обоняют, уста имут и не глаголют, руди имут и не осязуют, нози имут и не ходят, — сия Давид глаголаше о иконах, иконы бо якоже и идоли, очи им писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничтоже ими действуют, ни могут двигнути“.²

Косой выступает против того, что эти безжизненные идолы, изображения на „дцках“, которые „ничтоже действуют“, объявляются чудотворными, он прямо видит в этом подделку — „чюдеса от икон ложны суть“.³

„Глаголет Косой, яко именующиеся православнии покланяются древу вместо бога, почитают крест, неищующе аки любезно богу. И толико не разумеют, и толико не хотяще разумети, елико и от себе познати есть: аще бо кто кому сына палицею убьет на смерть, еда убо может человек палицу ону любити, еуже сын его убиен бысть? и аще кто тую палицу любит и целует, не возненавидит ли отец убитого и того любящего палицу ону, еже убиен сын его? Тако и бог ненавидит креста, яко убиша сына его на нем; также прогневается бог и на почитающих крест — убийцу сына его“.⁴

В этом случае Косой пользуется примерами из жизни, руководствуется простыми человеческими представлениями, ссылается на довод — „от себе познати есть“: это рационализм, смелый и убедительный.

И в критике почитания икон и креста также видно, что эти вещи критикуются не сами по себе, не как что-то самостоятельное, но как части „неправой веры“. Отрицание их подчинено целому, служит задаче опровержения всей системы, всей веры.

Косой отвергает все обряды, все таинства, все внешние формы культа, принятые официальной церковью. Он призывает „не молитися“, „не каятися“, „не причащатися“ и пр., ссылаясь на то, что все это не заповедано богом. „Кто дни раздели на постные и не постные? — спрашивает Косой, — дни изначала богом одинаки сотворены“.⁵

Особенно убедительно звучат те положения, где Косой издевается над нелепостью тех или иных обрядов, отрицая всякое их значение и святость.

¹ Истины показание... стр. 391.

² Там же, стр. 357.

³ Там же, стр. 476.

⁴ Там же, стр. 509.

⁵ Многословное послание, стр. XIV—XV.

Молитвы Косой отрицает на том основании, что если бог всемогущ, незачем его „учить“, он прежде людей должен знать их нужды. Рассуждения Косого здесь поражают строгой и рационалистической логикой.

Критика внешней обрядовости также нужна Косому не сама по себе. Она необходима ему для того, чтобы отвергнуть монашество, проводящее жизнь в подобных „подвигах благочестия“, чтобы обрушиться на могущественнейшую организацию и опору церкви — монастыри. „Монастыри же во Евангелии и законы их и уставы несть писаны“.¹ Однако Косой отрицает монашество не по одним только чисто религиозным, но преимущественно по социальным мотивам. Главное основание для своей критики он видит в паразитизме, в стяжательстве монастырей. И здесь, высказываясь по злободневному и бурно обсуждавшемуся вопросу времени, Косой идет дальше нестяжателей; он ссылается на идеологов этого направления, но делает гораздо более решительные и смелые выводы. Феодосий Косой понимал, что паразитизм, эксплуатация захваченных у крестьян земель являются необходимым условием существования любого монастыря, его основой. И он требует уничтожения всех монастырей, не только „стяжательных“, потому что он против всех „стяжаний“, а не только крупных, какие осуждались нестяжателями. В своих высказываниях Косой нигде не разделяет монастыри на стяжательные и нестяжательные, а имеет в виду все монастыри вообще:

„Несть писано во Евангелии и во Апостоле примати села в монастыри или церквам, и се человеческое предание есть“.² „Но монастыри, заповеди, претупающе нестяжания, имеют села. И о том добре писа князь Вассиан инок, такоже и Максим Грек много о том глаголет и много писа слово от лица любостяжателя и от лица нестяжателя прерочно“.³

Относя монастыри к „человеческому преданию“ и „внушению диавола“, совлекая тем самым „покров святости“ с этого учреждения, Косой высказывается за его уничтожение:

„Монастыри человеческая предания и в них законы и уставы предаша по своих воли и обычаю“.⁴

Так же непримирим он в отношении поклонения святым православной церкви. Социально острые, эти взгляды Косого рационалистичны и смелы. Он приравнивает всех святых к обыкновенным мертвецам и обвиняет церковь в обоготворении мертвецов. Мертвые ничем не могут помочь живым, а им заставляют поклоняться, отвращая от истинного бога. Он обвиняет официальную церковь в том, что она подменяет „настоящего“ бога подставными идолами, мертвецами:

„Глаголет Косой: которое православие в Руси, или како может православие быти в них? Обоготвориша бо мертвых и молятся мертвым, аки богу, и от них помощи просят. На них писано во пророде, еже живые от мертвых помощи взыскупают, оставивше бо самого бога к мертвым прибегают“.⁵

Уличая церковь в этом обмане, Косой подчеркивает, что „епископи“ сами „нарекают“ святых, сами сочиняют их жития (только за счет

¹ Истины показание. . . , стр. 888.

² Там же, стр. 923.

³ Там же, стр. 890.

⁴ Там же, стр. 888.

⁵ Там же, стр. 438.

этих „человеческих измышлений“ он относит все чудеса, приписываемые святым), молитвы к ним и пр.:

„Именуют себе Русь православными, а они паче человекослужители и идолослужители; понеже храмы поставиша, и в них иконы мертвых аки идолы утвердиша на дѣках, и мертвецы положиша с ковчеги в церквах их всем на видение и соблазн, нарекуше преподобными, и праведными, и святыми, установивше сами поют им каноны, и прочитают написавше жития их, и молятся мертвым и просят от них помощи, свечи пред них зажигают, кадила приносят, и отводят люди от бога к мертвецам, и иконам навыноша служить, бога же и не ведят, ниже могут ведати, понеже во идолослужение впадоша“.¹

Святыми нарекаются часто люди, дела которых противоречат „божьим заповедям“, но зато выгодны церкви:

„Максим Грек zelo принужает хранити заповедь нестяжания, и сего ради слово списа о покаянии души своея, в немже стяжания помногу осуди, от негоже приемля Косой глаголаше, яко прельстишася нарекуши преподобными Кирила, Пафнотия, Никона и прочих стяжавших села; по Максиму бо они чужии спасения“.²

Следовательно, подчеркивает Косой, критерий святости для представителей официальной церкви — не в соблюдении „божьих заповедей“ и „праведной“ жизни, но только в делах выгодных, нужных церкви, пусть даже этим заповедям противоречащих. Косой разоблачает церковь в этом обмане и прямо объявляет епископов „человекослужителями“. Он пронизательно видел в такой практике официальный церкви способ воспитать послушание, почтение к церковным и светским „власть предержащим“. Так становится понятным и необходимым вывод Косого из всех этих, на первый взгляд богословских, догматических рассуждений:

„Чесо убо ради православнии поклоняются мощем праведных и иконам их? Глаголет бо Косой, яко не подобает поклоняться не токмо умершим, си и ниже живым“.³

Этот вывод — не следует поклоняться живым — сущность всех взглядов Косого. Прикрытый христианскими словесными формулами, выраженный в форме нападок на церковь за ее отступление от духа истинной веры, протест Косого обращен ко всему общественному строю, порожден им и сказывается всюду, обращаясь не только против духовных, но и против светских властителей.

Но Косой не ограничивается только опровержением святости святых, он обрушивается на основные догмы христианства, отрицая божественное достоинство богоматери и Христа. И здесь в самой постановке вопросов и в доказательствах Косой почти не прибегает к Библии, основываясь на доводах разума, наблюдениях над жизнью.

Богоматерь он приравнивает к обыкновенным женщинам. На Христа он также смотрит как на простого человека, „проповедает Христа человека проста, а не бога“.⁴ Христос обыкновенный человек и, как все люди, не сотворен, а рожден женщиной. Выступая против учения христианской церкви о божественной миссии Христа, Косой ведет критику этого догмата с рационалистических позиций. Он утверждает,

¹ Там же, стр. 413.

² Там же, стр. 908.

³ Там же, стр. 501.

⁴ Там же, стр. 217.

что если бог всемогущ, то ему совершенно не нужны помощники в деле „поновления“ „человеческого образа“. Рационалистическую критику Косой дополняет и усиливает социальной — он подчеркивает, что человеческое общество не изменилось после Христа, жизнь осталась прежней.

В этих рассуждениях Косого, кроме всего, интересна мысль о естественном законе, которому повинуются человеческая жизнь и который приравнивает человека ко всем прочим живым существам:

„Что убо глаголеши часто поновити богу обетшавший образ свой и создание его падшее воздвигнути ему и исправити, не глаголеши же, что обетшание образу, что же ли зданию падение, како же ли обновление и въздвижение и исправление ему?.. Да како образ божий в человечестве истле, человеком живущим одинако и пребывающим якоже от начала, такоже и по Христове пришествии тоже человеком пребывающим и живущим, рожающимся и умирающим? Елицы естеством здравы бываху человецы, здрави и до смерти пребывают; елицы же человецы впадают в недуги, тии истлевают различно. Которое убо тому поновление или въздвижение есть, такоже пребывающим человеком, якоже до пришествия Христова и по пришествии его?.. Что убо ты глаголеши, яко созидая человека бог вначале поможение поползнутию его изготова? Что убо человек, или что есть сие, еже умрет человек. Не умирают ли рыбы великия в море и гады, и киты, такоже и птицы небесные, и звери, и львы, и слоны великия на земли? Вся та создание божие, якоже и человек. Буди убо яко и восхоте бог человеку помощь изготавити, да чесо же убо ради сыну его воплотитися, а не послати богу иного кого на помощь худости человечестей, яко же и царь человек свой образ хитрицем или исправит, или поновит“.¹

По мнению Косого, Христос мог быть только учителем людей, их ходатаем перед богом.

Провозглашая „единого бога“, „отца“ всего существующего, Косой, однако, стремится всячески ограничить его влияние на человеческую жизнь. Косой оставляет за богом только акт создания человека, совершенно освобождая человеческую жизнь и деятельность от вмешательства божества.

Таким образом Косой отвергает все учение современной ему официальной церкви как неистинное, не отвечающее подлинной, по его понятиям, религии.

Кого же Косой считает виновниками искажения религии, виновниками того, что истинная вера заменена идолопоклонством, что проповедуется поклонение мертвецам и живым вместо истинного бога, что „человеческое предание“ и „измышление“ поставлены вместо заповедей бога, что на место истинной религии встала грубая, выгодная кое-кому подделка?

Виновником всего этого Косой объявляет церковную иерархию. В своих выступлениях против попов и епископов он старается развенчать их, „совлечь покров святости“ с их личностей, дел, учения. Косой обвиняет церковную иерархию в умышленном сокрытии истинного бога, священных „столповых“ книг и пр. Его цель — доказать несовместимость существования этой „многосложной, искусственной“ иерархии с истинной верой, с истинным православием. Он так характеризует представителей церковной иерархии: „Ныне попы не суть священники божии,

¹ Истинны показание. . . , стр. 276—277, 262—263.

но лицемерствуются священством¹, и прямо запрещает повиноваться этим „идольским жрецам, ложным учителям“. Это недостойные люди, отвратительные морально, не имеющие права выступать от имени Христа, не утруждающие себя исполнением тех заповедей, которые проповедают для других:

„В них же ни единомыслие исправляется, ниже союз мира соблюдается, ни яже в душе кротость хранится но раздвоение и прятность ревность обретается, много убо дерзость будет уды Христовы именовать, или от него начальствоватися глаголати: простою же мыслию со дерзованием реши, яко держит тамо и царствует плотское мудрование“.²

И вот именно эти люди „измыслили“ вместо „настоящего бога“ угодных им мертвецов, вместо „настоящей веры“ — идолопоклонство. Они сознательно скрывают от народа „истинную веру“: они не „держат в руке“, т. е. не дают читать людям „столповые“, „священные“ книги, в которых, как уверен Косой, и есть истина:

„Моисеевы книги нарицает Косой столповыми. Есть же и аде в монастырех столповые книги, да сохранены и запечатленны лежат, не дают их прочитати и таят их от людей“.³

Уже только поэтому попам не следует повиноваться: они учат по „человеческому преданию“, но не по „заветам бога“, т. е. лгут людям:

„Посему ложнии учителя епископы и попы, понеже учат книг в руку не держат; сам же Косой посему истинна учителя себе сказует, понеже в руку имея книги и тыя разгибая, комуждо писанная дая самому прочитати, и сия книги рассказывает“.⁴

Косой призывает совершенно упразднить церковную иерархию, не повиноваться ее представителям, не слушать их проповедей, не читать их книг:

„И на погребении от епископов и от попов не отпеватися, и по смерти не поминатися, глаголет Косой, яко епископы и попы ложнии учителя, идольстии жрецы, и маньяки; велят приносить проскуры и канун, и свечи ко идолам на жертву; подобает поклонятися духом отцу, а не поклоны творити, ни проскуры, ни кануны, ни свечи приносить“.⁵

„И книг церковных учителей и жития и мучения святых не прочитати и к попом не приходити“.⁶

Все молитвы, жития святых, все сочинения представителей официальной церкви, выдаваемые за „откровения бога“, будто бы имеющие авторитет подлинного слова божия, на самом деле выдуманы ими самими для обмана, приносящего им выгоду. Вся ими созданная религия — совершенно не соответствует духу „истинной“ религии, от основных догматических положений до внешних проявлений, до сложной обрядности, запутывающей людей.

Утверждая „человеческое предание“, „епископы“ и попы боятся раскрытия этого обмана и преследуют тех, кто его раскрывает. Так объясняет Косой гонения на еретиков.

Итак, разоблачая церковную иерархию, Косой тщательно, подробно вскрывает и разоблачает преднамеренную ложность дел, учения, целей

¹ Многословное послание, стр. XIX.

² Истины показание. . . , стр. 875—876.

³ Там же, стр. 208—209.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 41—42.

официальной церкви. Эти обличения, относящиеся к церковным властям и ко всей церковной иерархии, а также понимание Косым истинной роли „человеческого предания“ и истинной роли официальной церкви его времени — позволяют ему сделать тот вывод, который придает его учению огромную социальную остроту:

„В церквях же попы учать по книгам и по уставам их человеческая предания, и повелевают себе послушати, и земских властей бояться и дани даяти им; не подобает же в христианах властем быти и воевати“.¹ „Не подобает же повиноватися властем и попом“.²

Для этого уничтожающего вывода и необходимы были обоснованное отрицание феодальной церкви, всех ее установлений и осуждение ее служителей. Нужно было сначала „совлечь покров святости“ с церкви-с богословия, а затем — с благословляемого этой церковью обществен, ного строя.

Социальная острота ереси Косого была понятна его современникам. Недаром у него было много последователей, большинство которых составляли представители угнетенного класса — „рабы“, как называет их Зиновий Отенский. Недаром господствующий класс, не ограничиваясь судом и проклятиями, вынужден был противопоставить этому „рабьему“ учению свое идеологическое противоядие.

Итак, учение Косого было оппозиционным выступлением против современного социального и государственного строя санкционирующей этот строй официальной церкви.

Что же противопоставлял Косой порочной церкви и порочному порядку жизни, какую религию и какое гражданское устройство? Ради чего отрицалась им современность, какое общество рисовал он своим последователям, какой порядок считал истинным, соответствующим „заветам бога“?

Положительная программа была всегда самой слабой стороной всех оппозиционных учений Средневековья, да и не только Средневековья, а и гораздо более позднего времени. Незнание и невозможность познания законов исторического развития, неспособность самого угнетаемого многочисленного класса Средневековья, крестьянства, выдвинуть свою программу, наконец, самый уровень исторического развития общества — словом вся совокупность условий делала выступления, сильные своей отрицающей стороной, беспочвенными и неисполнимыми мечтаниями в положительной своей части.

Опорой для положительных идеалов служили „хилиастические мечтания раннего христианства“. Черпая в книгах раннего христианства материалы для разоблачения церкви и современной действительности, средневековые ереси искали в этих книгах и ответов на вопросы об устройстве будущего общества. Они по-своему трактовали принципы раннего христианства, и на этой своеобразной интерпретации Библии и Евангелия строили идеалы будущего общества.

Эти идеалы, как правило, содержали в себе намеки на будущее коммунистическое общество. „Но в то же время полет мечты за пределы не только настоящего, но и будущего, мог быть только насильственным и фантастическим и должен был при первой же попытке практического применения снова оказаться в узких пределах, которые одни только и были возможны в условиях того времени“.³ Эта истори-

¹ Многословное послание, стр. XVI.

² Там же, стр. XVII.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.

чески обусловленная ограниченность и превращала положительные программы в „хилиастические мечтания“. Основой, сущностью их было требование равенства всех людей. Но это требование отличалось от требований равенства в позднейшее время, т. е. не было осознанным выражением потребности „реальной общественной группы“ и выдвигалось „вообще не как положительный принцип общественного порядка, а как принцип отрицательного равенства всех людей перед богом“.¹ Вот как характеризует Энгельс понятие равенства раннего христианства: оно „знало только одно равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных... Следы общности имущества... объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве“.² Именно так трактовали равенство и средневековые ереси, основывавшиеся на книгах раннего христианства.

На общем фоне выделяется лишь Мюнцер, лишь ему Энгельс дает совершенно иную оценку: хотя и Мюнцер не свободен от хилиастических мечтаний раннего христианства, однако „у Мюнцера эти коммунистические намеки впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы; у него впервые они формулируются с известной определенностью; начиная с него, мы встречаем их снова во всяком большом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...“.³

И в этом отношении Ф. Косого нельзя поставить рядом с Мюнцером (во всяком случае судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам), хотя его ересь также являлась отражением идеологии определенного общественного класса — крестьянства. Что эта была именно крестьянская, во многих своих выводах революционная, „рабья“ ересь, было отмечено уже его противниками-современниками. Учение Косого было ответом закрепощаемого крестьянства и холопства на классовую политику самодержавного государства.

И все же положительная программа Косого не могла быть чем-либо другим, как только мечтаниями. Причина этого кроется в положении и сущности крестьянства как класса в XVI веке. Ведь программа Мюнцера шла так далеко потому, что была выражением интересов не только крестьянства, но и плебейства. Плебейство и дало программе Мюнцера ее далекий прицел и вместе с тем большую определенность. Вот что говорит Энгельс о положении плебеев:

„Плебеи в это время были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их жизни даже не соприкасались с существующими учреждениями, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехового городского общества и в то же время предшественниками современного буржуазного общества.“

¹ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера, стр. 44.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Гос. изд. полит. лит., 1950, стр. 97—98.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.

„Это положение плебеев объясняет нам, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она... должна была выйти за пределы едва зарождавшегося тогда современного буржуазного общества...“¹

„Это насильственное, но вполне объясняющееся из условий жизни плебеев, предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в Германии у *Томаса Мюнцера* и его партии“.²

Таким образом именно участие плебейства в реформации, составившее основную опору Мюнцера, определило программу его учения и ее революционность.

В России в XVI веке еще не было подобной общественной группы, которая представляла бы по своему положению зародыш будущего пролетариата, предрекавший будущие буржуазные отношения. Самой угнетенной и самой многочисленной общественной группой было крестьянство; в учении Косого отразилось его отношение к современной церкви и современному общественному устройству — отрицательное, революционное отношение; отразилась и историческая ограниченность крестьянства.

Говоря о крестьянстве в революции 1905 года, В. И. Ленин подчеркивал: „С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещицье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...“³

„С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе...“⁴

Эта характеристика во многом вполне относима к крестьянству XVI века.

Ненависть к властям и церкви, ко все увеличивающемуся обезземеливанию и закрепощению то проявлялась в подобных религиозных ересях, то прямо выливалась в открытые восстания. Но страшная придавленность крестьянства, раздробленность, привязанность к своему, пусть обремененному налогами, но относительно своему клочку земли, — не могли создать у крестьянства четкого осознания своего общего положения, своих целей и задач. Следствием „политической невоспитанности, революционной мягкотелости“⁵ крестьянства было то, что и выступления крестьянства имели не сознательный, целенаправленный характер, но характер стихийного взрыва. „Крестьянские восстания, — пишет И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 130—131.

² Там же, стр. 131.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 184.

⁵ Там же, стр. 185.

если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“.¹

Что же представляла собой положительная сторона учения Косого, какой порядок предлагал он взамен феодального строя?²

Его отрицание — действительно, выводы — революционны; его положительная программа ограничивается намеками, туманна и неясна.

Разбирая критическую часть учения Косого, мы заметили, что основное подтверждение своей критики он находил в книгах раннего христианства. Косой использовал везде, где было удобно, и писания более позднего времени, и сочинения русских церковных авторов, но только когда выводы их совпадали с его выводами, когда они противоречили существовавшим церковным порядкам. Это был определенный тактический прием, позволявший ему убедительнее и с большей остротой доказывать свои взгляды. Но только „Моисеевы книги“ называл он „столповыми“, только их принимал полностью, считая, что там и записаны все заветы божьи, что только они истинны. В этих же книгах Косой пытался найти подтверждение своим представлениям о будущем справедливом обществе.

Анализ взглядов Косого показывает, что он не видел разницы между областью религии и областью общественных отношений. Бог у него — отец всего существующего, единственный авторитет, единственная власть для людей. Не подобает даже „рожьших почитать, ни именовать отцев, пишет бо: Не нарицайте себе отца на земли. Един отец ваш бог“.³ На основании этого положения Косой отвергает и все „земские власти“ — „не подобает же в христианах влаством быти“.⁴

Для обоснования своих взглядов на принципы устройства будущего общества Косой использует евангельскую заповедь: „любите друг друга“.⁵ Отсюда он выводит необходимость равенства всех людей. В признании равенства Косой идет очень далеко, распространяя его не только на христиан, но и на людей всех вероисповеданий. Главным доказательством неоспоримости равенства людей является, по мнению Косого, то, что все люди равны перед богом:

„Все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы; глаголет бо апостол Петр: «во всяком языке бойся бога и делай правду прият ему есть»“.⁶

В обществе, где все люди равны между собой, не должно быть нищих и чрезмерно богатых людей:

„Велят же попы — имения приносить и нищим подаяти, а нищия псы, не подобает им подаяти, пишет бо: «несть добро отя ти хлеба чадом и поврещи псом». И чада мы есмы яко познахом истину, занеже у нас разум духовный. И аще кто наш разум имеет, то брат духовный, и чадо есть, и к нам подобает приносить имения, яко пишет в Деяниях: «Яко приношаху имения и полагаху пред ногама апостол»“.⁷

Основываясь на этом высказывании Феодосия Косого, можно сделать предположение и о том, как он представлял себе пути построе-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 112—113.

² Необходимо отметить, что высказываний по этому поводу еще меньше, так что приходится основываться буквально на нескольких замечаниях.

³ Многословное послание, стр. XVII.

⁴ Там же, стр. XVI.

⁵ Там же, стр. XV.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. XVII.

ния справедливого общества. Очевидно, он придавал огромное значение проповеди своего учения, в истинности которого был глубоко убежден.¹ Цель проповеди Косой видел в том, чтобы приобщать всех людей к истине, делать их духовными братьями. Он был убежден, что это достижимо, что все люди приобщатся к новому учению и создадут новое, основанное на справедливости и любви, общество. Он считал, что богатые добровольно отдадут свои „имения“ новым „апостолам“ (к которым Косой относил себя и уже познавших учение, своих близких последователей). А смысл жизни „апостолов“ — помогать людям² проповедью и, очевидно, распределением между всеми имуществ, делить поровну все богатства, все блага, иными словами — помогать созданию нового, справедливого общества.

Для учения Косого, таким образом, характерен не революционный подход к вопросу о путях построения нового общества и уничтожения старого. Несмотря на решительность выводов критикующей части, учение Косого не призывает к восстанию, к насильственному низвержению существующего строя. Причина этого кроется в неразвитости классовой борьбы, в незрелости, недостаточной остроте классовых конфликтов между двумя основными классами феодального общества в период появления ереси Косого.

Итак, вырисовывается следующая картина: общество равных друг другу людей, в котором единственная власть — бог, и где нет никаких „земских властей“; общество объединяет не только христиан, но всех людей, „все языцы“; основной закон их взаимоотношений — согласие, любовь, поэтому нет войн; люди во всем равны между собой — и социально (над ними нет земских властей, они никому не обязаны „данами“), и имущественно (нет нищих, богатые лишены избытков и „имений“). Общество создается не насильственным, революционным путем, но добровольно, в результате убеждения, объединением людей и имуществ.

Чтобы расшифровать этот идеал, надо перевести его богословские формулы на язык чаяний и стремлений крестьян того времени.

Что представляло собой требование равенства, мотивированное равенством всех людей перед богом? — Это было требование равенства в земельных отношениях, требование равного распределения земли между теми, кто ее обрабатывает (это тем более понятно, если вспомнить процесс обезземеливания крестьянства, особенно усилившийся во второй половине XVI века).

Что такое протест против „даней“? — Не что иное, как протест против все увеличивающихся и усложняющихся крестьянских повинностей.

Что скрывалось за требованием передачи богу всех функций власти?³ — Протест против существующей царской и боярско-дворянской власти, враждебной угнетенным массам и эксплуатирующей их.

Так богословская форма наполняется совершенно определенным, конкретным содержанием; картина идеального общества становится довольно четким отражением крестьянских требований. Требования равного разделения земли и права распоряжаться всеми продуктами своей земли и своего труда, протест против феодальных повинностей,

¹ Косой заявлял, что он „истину паче всех весть“ (Истины показание. . . , стр. 48), „Никому же так не открылася истина, яко же нам открыся“ (Многословное послание, стр. XVII).

² Многословное послание, стр. XVIII.

³ Бог у Косого определяет законы человеческого общества; люди в свою очередь не обязаны повиновением и почтением никому, кроме бога.

требования разделения всех доходов поровну. Это было в общем требование во всем „уравниловки“, которую так определил И. В. Сталин: „Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»“.¹

Учение Феодосия Косого, проповедовавшее „крестьянский коммунизм“, отрицавшее официальную церковь и „земские власти“, не могло не встретить отпора со стороны правящего класса. Одних проклятий и суда оказалось недостаточно, требовалось идеологическое обоснование необходимости всех учреждений и авторитетов, ниспровергаемых Косым, необходим был идеологический отпор.

Этой задаче посвящены в той или иной степени все известные произведения Зиновия Отенского, а полностью два самых капитальных — „Истины показание к вопросившим о новом учении“ и „Многословное послание“. Эти книги, дышащие ненавистью к „рабу“ и его „рабьему“ учению, по всем затрагиваемым вопросам защищают официальную церковь и существовавший общественный и государственный строй. Написанные в полемическом, а чаще в откровенно злобном тоне, эти произведения направлением своих ударов еще раз подчеркивают главное в учении Феодосия Косого — социальную остроту и враждебность существующему строю.

По мнению Зиновия Отенского, Феодосий Косой не может быть „учителем“, потому что он „раб“. „Рабы“ не имеют никаких гражданских прав:

„И закони же градстии отместут яже от рабов бываемая свидетельства; не повелевают бо закони рабов на судищи представляти во зысканиях межю прящемися быти послухом ... како же раб учитель будет, егоже и писание отместет и закони отрицают?“²

Защищая устои феодального строя, Зиновий Отенский выступает апологетом рабства. „В глазах Зиновия Отенского раб не имеет никаких прав и не может сам распоряжаться своей личностью. Он является полной собственностью своего господина. Его труд не оплачивается и не вознаграждается. Все, что он имеет, принадлежит не ему, а его господину, и господину же принадлежит все, что приобретает раб откуда бы то ни было“.³ Свою защиту рабства Зиновий Отенский излагает в форме сравнения труда раба и свободного человека:

„Несть же убо едино работа свободного и работа рабья. Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть и, ему же хошет, работает по найму, и иже кто хошет, наимает его, раб же не может работати, ему же хошет, ниже кто хошет, поемлет его работати себе, понеже раб имать господина и раб есть своему господину, а не всем есть раб; и елико аще поработает господину своему, мзды не имать и найма не вземлет. Егда бо не восхошет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничто же, но вся, еже имать у себе, господина его суть, и самую срацицу [сорочку] и вся купно, еже раб притяжет отъюду же, аще будет господину своему, а не себе притяжает“.⁴

И, делая вывод о неизбежности и неуничтожимости рабства, Зиновий Отенский не без страха замечает:

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 119.

² Истины показание... , стр. 25.

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 35.

⁴ Истины показание... , стр. 30.

„Писание показывает величество злобы рабья, от нея же земля трясется, вегда рабу воцаритися“.¹

Таким же характером „защиты основ“ отличается и другое основное положение Зиновия Отенского — о носителе верховной власти: безусловное „повиновение“ и „возлюбление“ должно проявлять не только по отношению к самому царю, но и к „образу цареву“.

„Видим же убо и человека образ, яко честнейши есть и вышши всех повинующихся ему. Не токмо бо простии человецы земледельцы и руку художницы, вегда цареву образу вносиму в грады митрополции, но и воины царевы и старейшии мужие граду, и честнейшии сановницы, и сами и синклиты, и воеводы, и епархи устретают с честию много и покланяются образу цареву человеку, яко и самому цареву; и есть образ царев честнейши всего синклита его, и воевод, и епарх и патрикиев, вси бо тии покланяются образу цареву и многою честию в устранении его, яко и самого царя, и тем показующе повиновение к царю, и возлюбление свое к нему“.²

Полному отрицанию Феодосием Косым каких бы то ни было земских властей Зиновий Отенский противопоставляет апологию самодержавной царской власти. „Так устами своих идеологов крепостники-землевладельцы провозглашали незыблемость основ социального строя Русского государства, незыблемость крепостнических порядков“.³

Итак, ересь Феодосия Косого была выражением потребностей угнетенных масс. К ней вполне приложима характеристика Энгельса, относящаяся к крестьянским и плебейским ересям: „Разделяя все требования бюргерской ереси по отношению к попам, папству и восстановлению ранне-христианского церковного строя, она в то же время шла бесконечно дальше. Она требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божиих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, поземельных цензов, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий, — вот те требования, которые выставлялись, с большею или меньшею определенностью, как необходимые выводы из учения раннего христианства“.⁴

Ересь Феодосия Косого — идеологическое выражение классовой борьбы крестьянства с господствующим классом феодалов — борьбы, которая наполняет всю историю того времени, то проявляясь в подобных оппозиционных учениях, то выливаясь в открытые восстания.

¹ Истины показание... стр. 25.

² Там же, стр. 283.

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 35.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 130.